

Юрий Юрьевич
Юрьев

**Белый – цвет
одиночества**

Юрий Юрьев

Белый – цвет одиночества

«Издательские решения»

Юрьев Ю. Ю.

Белый – цвет одиночества / Ю. Ю. Юрьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855319-6

Герои повести «Белый — цвет одиночества» — семейная пара. Границы их жизненных интересов полностью совпадают с областью их бизнеса — они владеют отелем в курортной горнолыжной зоне. Неожиданно в семейную жизнь вмешиваются обстоятельства, испытывающие её на прочность. Вместе с тем в курортном поселке происходят события, и явно таинственного характера, которые, помимо любви и верности, ставят читателя ещё перед одним вопросом, таким образом, уже третьим — вопросом одиночества.

ISBN 978-5-44-855319-6

© Юрьев Ю. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Белый – цвет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Белый – цвет одиночества

Юрий Юрьевич Юрьев

Корректор Наталья Кононова

© Юрий Юрьевич Юрьев, 2017

ISBN 978-5-4485-5319-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белый – цвет одиночества (Повесть)

АНАСТАСИИ РАХМАНОВОЙ – ЛУЧШЕМУ ЧТО ЕСТЬ

*В тени горы лови цвет ветра,
утекающий в лёд...*

С этой высоты, если глядеть невооруженным глазом, можно даже принять за нелыжников скопившихся внизу, возле опоры подъемника людей. Непрестанно работающий подъемник черпал и черпал их креслами по два и уносил наверх, но толпа не убывала. Ниже опоры, словно синеющая сквозь кожу вена, угадывалась лыжня, она прочерчивала склон поперек и поднималась к южной отметке. Этот спуск был непопулярен: чересчур крут и недолог. Сейчас только один готовился его одолеть. Что-то же он думал о себе или всего лишь хотел блеснуть перед публикой удалью – кто знает. Но готовился он основательно.

Настя во второй раз навела на него бинокль – и оранжевая с ноготок фигурка превратилась в статного молодого человека. Ничего в его поведении не менялось: он прыгал, проверяя крепления, он оттягивал и ослаблял резинку очков, оценивал, красиво ли сидят на руках перчатки. Наконец молодой человек решительно воткнул впереди себя палки, постоял неподвижно, потом на одних руках поднял тело, пронес его по воздуху и эффектно вытолкнул на лыжню.

Лыжник быстро набирал скорость. Он почему-то довольно низко сидел. Ну хоть бы какой намек на владение техникой спуска – ничуть не бывало. Крутизна постепенно выгибалась – и здесь хорошо бы уже начать применять торможения... Какое там. В следующую секунду Настя даже пискнула: вот он, будто оранжевый болид летит с палками, занесенными за спину, и вдруг пропадает в облаке белой крупы. Мелькает валяющееся на бок туловище с высоко поднятыми, надломленными руками. Не человек – вихрь снега, в котором быстро чередуются вертящиеся конечности, уже стремительно катится по склону. Пытался ли он исправить ситуацию за миг до того, как понял, что что-то пошло не так? Скорее всего. Только что исправишь, когда лыжа уже наехала на лыжу.

Сбоку подошла Татьяна.

– Ты видела?! – взволнованно спросила её Настя.

– Что именно? – ответила та, высвобождая запавший под воротник хвост волос. Высвободила и потрясла им, расправляя на лопатках. Она смотрела совсем в другую сторону.

– Ты видела... – начала было Настя, но вовремя вспомнила ранимую, сердобольную натуру подруги.

– ... Чтобы кто-нибудь с отдыха в Таиланде вернулся с вывихнутой коленкой или сломанным ребром? Ты видела такое?

– Спросишь тоже, – мелко переступая, Татьяна приблизилась. – Где там можно что вывихнуть в этом ботаническом вольере.

– Тогда почему мы не ездим туда?

– В позапрошлом году были.

Настя опять прильнула к биноклю.

– И ничего не запомнилось, как в супермаркет сходили. Давай во Вьетнам, что ли...

Неудачливый слаломист заканчивал свой спуск на спине, палки по пути он потерял и лишился одной лыжи. Из толпы разноцветными муравьями к нему на помощь бежали люди.

– Настюха ты Настюха! Уж куда-куда, а в лето ты всегда улетишь. Топай в турагентство и тебя тут же отправят в жару в тропики. Мне кажется, во всем мире – одно сплошное лето. И только у нас есть зима. – Татьяна с наслаждением вдохнула морозный воздух. – Прелесть. Да ты посмотри вокруг. Что видишь?

– Подъемник.

– Что?

– Подъемник вижу. Дребезжит и скрипит. Особенно, когда проезжаешь над Черным ручьем, где камни. Возьмет и оборвется.

– Чего бы ради ему обрываться? Прелесть, говорю тебе, – Татьяна обняла Настю за талию.

Что верно, то верно. Десять или двенадцать лет назад придание этой местности статуса курортной зоны сохранило-таки её от вырубок и где-то на подступах к горе Ямантау, вершина которой хорошо была отсюда видна, навсегда остановило лесозаготовительный промысел. И слава богу. Именно в ту пору на правом берегу реки Инзер заложили спортивно-оздоровительный комплекс, гордящийся к сегодняшнему дню присутствием на карте, а так же прошлогодним заездом филиппинских туристов. Но это всё на правом берегу – здесь, среди горнолыжных трасс ощущать мироустройство можно было в чистом виде, без каких-то примесей в виде человеческой деятельности.

– Съедем ещё раз? – предложила Татьяна.

Настя отказалась, сославшись на то, что вспотела, и пока потом попадешь на подъемник, пока дойдешь до «Салаира» и вовсе закоченеть можно. А отсюда в долину всего десять минут ходьбы.

– Как знаешь, – Татьяна опустила ниже козырек бейсболки. – После ужина будь на связи – позвоню.

Сказала и ринулась вниз. Одно загляденье было видеть, как она спускается. Движения идеальны как у манекенщицы на подиуме, вжик – корпус вправо, вжик – влево. Блеск.

Спортивно-оздоровительный комплекс не имел строгой планировки. Она прямо подчинялась ландшафту местности, где уж тут было соблюсти строгость. Но надо сказать спасибо застройщикам, много чего сохранившим от первозданной природы: неоновые фонари, освещающие по вечерам комплекс, стояли прямо в соснах. И даже больше, во многих дворах отелей были посажены невесть откуда привезенные флористами голубые ели, считавшиеся в здешнем краю чуть ли не экзотикой. Компактная инфраструктура, тем не менее, всесторонне обеспечивала туристов: здесь имелся развлекательный центр с небольшим кинотеатром, работали парикмахерская и здравпункт, котельная, снабжающая теплом и горячей водой. Выпускалась даже своя четырехполосная газета.

У крыльца отеля остывал «Гранд Черокки», последняя модель, тот самый, звероподобный, могущий на равных бодаться с армейским БМП.

Настя сняла с плеча лыжи и всадила в сугроб. Осторожно обошла внедорожник, испытывая от него какое-то даже сердечное томление. По следам шин было видно, как он люто рыл снег, устраиваясь боком к фасаду.

С заднего двора послышалось покашливание.

Там у дровяного сарая, держа на коленях топор, на раскладном стульчике сидел муж, рядом лежали колотые поленья. С трех или четырех чурок, не больше, а муж уже отдыхал.

Настя загладила назад упавшую на его лоб прядь совершенно седых волос.

– Кто это к нам пожаловал? – спросила, опускаясь на корточки.

– Таких у нас ещё не было, – он перехватил её ладонь и зажал в своей. – Двое апартаментов взяли и особое меню. Сижу думаю, где найти подсобницу на кухню.

– Номера у них московские.

– Верно, москвичи. Причем с киностудии, фильм будут снимать. Смотри, как повезло: и клиенты, и рекламу нам сделают. Только шальные больно.

– А нормальные сюда и не ездят, у нормальных на нас денег нет.

– Какие же они нормальные, если у них нет денег? Эх, люди, люди, поди ты разберись в них. С людьми вообще всё сложно. Лучше уж думать, что их вообще не существует.

– Как это?

– Не существует. Есть только финансовые потоки, и их нужно уметь направить в свою сторону... Ладно, не будем об этом. Как покаталась? Не устала?

– Есть немного – снег сегодня сырой.

– Напомни, чтоб я лыжи тебе смазал, а то из головы всё время вылетает, и не найдешь потом.

Настя вдруг заметила, что муж довольно легко одет: овчинная безрукавка поверх тонкой рубашки, нахмурилась, но ничего на этот счет не сказала.

– С киностудии. Надо же! А в какие ты их поселил?

– Двоих в пятый, а третьего даже и не знал сначала куда. Решил, пусть в девятом пока поживет, мебель там крепче. Но стелить ему на полу придется, понимаешь, в чем штука.

На дороге показалась веселая компания сноубордистов. И на минуту у отеля стало карнавально суетно. Настя поднялась.

– Пойду ополоснусь. Татьяна сказала, что зайдет сегодня на картишки.

– Наконец то, а то уж хотел силком её затащить.

Она уходила и знала, что он смотрит ей вслед, и даже знала, каким взглядом. Какой она никогда не увидит, а всегда будет чувствовать только спиной.

В прихожей сбила с ботинок снег, прошла в холл. Пока здесь было спокойно, постояльцы пропадали на трассах и у окна скучал только один, полными горстями поглощал чипсы, запивая минеральной водой из бутылки. Настя на правах хозяйки предложила ему набор холодных закусок, имеющийся в буфете. Тот поблагодарил, но предпочел по-своему перебивать аппетит перед ужином.

В их с мужем номере она стянула с себя комбинезон, да так и оставила его лежащим на полу, отстегнула наколенники. Надела махровый халат и шлепки на босу ногу.

Душ был занят, к тому же у дверей топтался при мыльных принадлежностях усатый блондин. Пришлось ожидать очередь в соседстве с любителем чипсов, который к тому времени приканчивал уже вторую, а может и не вторую... очередную, словом, пачку. Он поведал о том, что зря сюда приехал. В среде, где не царят спортивный дух и культ здорового тела, распространение и популяризация спортивного питания, а так же биологически активных добавок не возможны в принципе. Кто тут сказал: «Спортивно-оздоровительный комплекс»? Душа моя, посмотрите сами – какой спорт. Это равносильно тому, что считать спортом спуск с горы в тазу или на чём другом, имеющем свойство скользить по снегу. И какое оздоровление... Пойдите окунитесь в здешнюю вечернюю жизнь – и поймете, что это за оздоровление. Лишь на одно и уповаешь – на действительно целебный и чистейший воздух.

Настя где поддакивала, а где молча соглашалась, кивая головой.

– Так и давайте всецело поручим воздуху укреплять наше здоровье, а сами будем хлестать виски в «Трех апельсинах», валяться до полудня в кроватях и вообще заниматься черт знает чем, – говорил коммивояжер, впрочем, даже и не говорил – выступал с речью. – Завтра же отсюда съеду. Покуда здешнему обществу не будет привита общая культура поведения, спортивному питанию и БАДам тут делать нечего.

Слава богу, шум воды смолк – душевая освободилась. И Настя поспешила от него прочь.

Блондин с кем-то завозился в дверях, послышалось повизгивание и неприятное тисканье. Потом в коридор выскользнул ладный мачо в полотенце на манер набедренной повязки. Развернувшись, он успел послать в душевую пинка. И судя по хлопку, попал. Настя заняла освободившееся место, при этом соприкоснулась с мачо плечом и, испытав омерзение, передернулась. Два дня, как заехала эта милая парочка, но уж очень часто мелькает перед глазами. Вот уж действительно, всё с людьми сложно.

Как говорится, из мокрого душа да в сухой мартини. В кабинете мужа она налила себе и села в его кресло. Сколько раз она засыпала в нем, до того было удобно. Кресло, как все старые вещи, отличалось надежностью, давало ощущение защиты, словно объятия сильного мужчины. Вся мебель в кабинете была такая. День за днем эта обстановка, отделанная буком, ясенем, палисандром, казалось, только и ждала сумерек, когда придет хозяин и растопит камин. Отблески огня будут дрожать на ломберном столике, золотых переплетах книг и багетной раме, в которой прадед по линии матери удалой ротмистр Ахтырского полка, стоит в полный рост. Только в свете полыхающих поленьев проявлялась эстетическое и исчезало утилитарное значение предметов. Левее книжных рядов со стены стеклянисто глядела чучельная голова марала, а рядом... здесь хорошо понять, что ни одна вещь не располагается где-то сама по себе, она обязательно подразумевает по соседству другую, имеющую с первой непосредственную связь. Так вот, рядом висел винчестер, муляж, конечно, но будьте спокойны, настоящий «Траппер 94» имелся, хранился тут же в оружейном сейфе.

Настя ниже сползла по креслу, перекинула через подлокотник руку с бокалом. Усталость тихо плавала в мышцах. Она тоже ждала, когда придет хозяин и разведет огонь. Тогда особенно приятно будет снять халат и перед камином голенькой поваляться на медвежьей шкуре, напитываясь живым теплом. Но хозяин задерживался. Послышалось, как из прихожей прошли несколько человек – постояльцы собирались к ужину.

Как там в Писании?... «В начале было Слово». Не правда – «в начале было трудно». Так будет правильно. Ведь отговаривали, пытались удержать, предсказывая уже на второй год полное разорение. Друзья, родственники – хоть бы кто подбодрил добрым словом. Но муж сказал: «Вначале будет трудно – терпи».

Имелись кое-какие сбережения, были выставленные на торги три их магазина. И вот на все деньги, накопленные и вырученные с продажи, составили смету будущего комфортабельного отеля элит-класса. Знали б вы, сколько стоит возвести его в курортной зоне. Вы, кривящиеся от счетов за комплексные обеды. А во сколько обходятся административные, фискальные и прочие чиновники. Не очень бы и кривились.

Но, по правде, эти клещи-кровососы лишь тормозили работу, поскольку были предсказуемы. Сокрушительный удар выстрелил, откуда не ждали. Хлесткий, под дых. Уже закончили первый этаж, уже положили плиты перекрытия, когда вдруг исчез имеющий доступ к бюджету прораб. Не лишним будет сказать – их давний общий друг. Взял и пропал со всеми деньгами. И ведь далеко убежал иуда, нашли аж в Карелии. Наказали, конечно. Но из всех украденных денег удалось вернуть только малую часть.

Строительство остановилось. Подрядчики разбежались, и целый месяц в опустевших стенах отеля, словно по развалинам Акрополя, гулял один ветер.

Муж умел держать удар, другие и от оплеухи падали, а он... Только на день ушел в запой. Заперся и никого к себе не пускал. Всё это время жена с дочерью просидели в гостиной, а вместе с ними и родители Насти. Разговаривали только шепотом. Наступила ночь, но никто не спал, ждали, как покажет себя глава семьи.

Уже под утро, с отекившим лицом, он вышел к своим близким. Мутными глазами обвел всех. «Вот им!» – возгласил и показал в потолок неприличный жест. Засучил рукава и снова

впрягся в хомут. Такой уж он был. Попробуй пожалей его, скажи, что уже не молод и поберег бы себя – назло за пятерых будет пахать и, конечно, порвет жилы на ниве семейного благополучия.

Банки кредит не дали: недвижимости, что могла бы выступить залогом, а так же других гарантий его погашения уже не было. И тогда в бой ввели последний резерв: муж прятал глаза и держался за сердце, когда объявил, что продал их «ламборджини»... Никто не мог поверить. Как же так... Но именно после этого все поняли, что он пойдет до конца.

Да, сегодня, когда всё позади, можно позавидовать и популярности «Салаира», и доходам с него, и как ещё завидуют, причем именно те, кто сначала отговаривали.

Схитрил-таки муж: сбыл три магазина, а две торговые точки в городе на всякий случай оставил – два галантерейных отдела. Они и по сей день существуют – исключительно для того, чтобы на хорошем материальном уровне поддерживать старость родителей. А тогда супруг распорядился всей семье потуже затянуть ремни и жить за счет той галантерейной торговли. Сам отбыл в курортную зону лично руководить строительством.

Старость родителей. Да-да, никуда не денешься, одно и успокаивает, что стареют мужественно, не жалуясь на болячки. Отец ещё держится, а мама сильно сдала...

Настя вдруг вспомнила, что утром звонила мать. Ленка, говорит, стала отбиваться от рук, домой приходите поздно. Ещё бы, в самый трудный для родителей возраст входит ребенок: в угол уже не поставишь и ремня не всыплешь. Не-е-е-ет, на коротком поводке их нужно держать. И в универ только на заочное отделение поступать будем. Чтоб на сессию и обратно, под родительский пригляд.

Что там ещё она говорила? Какой-то выюн стал увиваться вокруг неё. Самое время. Лишь бы парень был хороший, не байкер патлатый, а как полагается, опрятный юноша, уравновешенный, идущий на золотую медаль, и чтоб родители не нищоброды. Надо обязательно посмотреть, что за выюн такой...

Опять этот кашель... нет, я силой заставлю его одеваться теплее.

Отворив боком дверь, в кабинет с полной охапкой дров вошел муж. Прошел к камину и с грохотом свалил их на пол. Он был в прежней овчинной безрукавке. Сел за свой стол и озорно подмигнул жене, Настя ответила ему тем же.

– Подсобницу будем из города выписывать, ничего не поделаешь, – вздохнул он, – Михайловна уже с ног валится.

Муж говорил, хотя и без того было ясно, что обслуживающий персонала хорошо бы увеличить. Помимо подсобницы на кухню, неплохо бы иметь ещё и кастеляншу, а так же привратника. Но такие расходы нужно серьезно взвесить, учитывая, что самый разгар сезона и только успевай подставляй карманы под текущие деньги.

– Не понимаю, почему ты на меня не рассчитываешь, – прервала его Настя. – Если вправду ничего нельзя придумать, то и я схожусь. С Михайловной я, конечно, не смогу: никаких нервов не хватит. Так давай к ней горничную приставим.

– Интересно. А кому полы мыть?

– Мне. Всё равно ничего тут не делаю.

– Насчет тебя... даже не знаю, – он замялся, однако в его глазах зажглась надежда. – Но и с ней так нельзя! Ведь не живоглоты мы, в самом деле. По четырнадцать часов баба у плиты стоит, какая психика выдержит. Я уж стороной обхожу кухню, того и гляди с ножом на меня бросится!

– Распричитался, – Настя всколыхнула в бокале мартини, огорчившись, что забыла бросить в него лёд. – Разожги лучше камин.

Муж повилял взглядом, потом заголосоил, приложив ладони к груди:

– Настюша, я не могу просить тебя. Все-таки это чёрная работа!

– Мыть полы – нормальная женская работа.

– Но я тебе обещаю, что только на три дня, не больше. Обязательно кого-нибудь подыщу.

Он вышел из-за стола. Болезненно для Настиного слуха хрустнули его суставы.

– Мама твоя звонила, – сообщил он, раскладывая в топке поленья. – Квартплату подняли, и кот заболел.

– Вот-вот, и у нас будут такие же новости, когда состаримся. Будем звонить Ленке, жаловаться, что заболел кот и... в общем, как-то всё повторяется. Не думаешь?

– Ну да, наверное.

– Кстати, она тебе не говорила, ухажер у нас завелся.

Стоя на коленях, он обернулся вполоборота.

– Хороший сюрприз. И давно? – Настя развела руками, но ничего не ответила. – Нет, об этом она мне ни слова. Ну, конечно, зачем зятя посвящать в ваши женские дела?! Черт знает что!

– Со взрослыми девочками такое случается.

– Когда она успела повзрослеть?

– Сама не понимаю, – ядовито кольнула Настя. – Да, пожалуйста, опять день рождения на носу.

– Помню-помню. Насчет подарка даже не беспокойся, присмотрел уже. Прежде спрячем в гараже, а после, как сядем за стол, его и затарачим.

– Именно затарачим? Не меньше?

– Так велотренажер же, как считаешь, ей понравится?

– У нас его поставить некуда, но идея вправду хорошая. Только пусть будет не велотренажер, а степпер. Если канапе сдвинуть, он как раз войдет.

Муж вздохнул и опять завозился с камином.

– На именинах и посмотрим, что за ухажер. Ведь обязательно будет какой-нибудь прилизанный худыш, вежливый интеллигенток в белых носочках. А мне бы такого бойкого парнишку на мотоцикле. Чтобы драться умел. Я бы хоть за дочь спокоен был.

Настя погрозила ему в спину кулаком и без голоса, одними губами по слогам прокричала: «Убью, паразит»!

Они сидели бок о бок на разостланной по полу медвежьей шкуре и, глядя на огонь, разговаривали:

– ... А ты сказала, мы должны расстаться. Сняла со стен свои фотографии, собрала вещи. Я спросил, почему?..

– Мог и не спрашивать. Показал бы, что тебе все равно. Я бы и вернулась, – Настя провела подбородком по коленям и положила на них голову. – К тому же я оставила на подоконнике сефор с косметикой. На самом видном месте.

– Это был знак?

– Женщина может, что угодно забыть у мужчины, только не косметику.

– Плохо, что я тогда этого не знал, глядишь и не наломал бы столько дров.

– Болтун. Все ты знал. Тебе ведь тогда, сколько мне сейчас стукнуло.

Муж засмеялся и игриво потрепал её за ушко.

– Как порядочный кавалер я обязан был изобразить пропасть отчаяния.

– Так и изображал бы отчаяние. Зачем было по перилам моста ходить?

– У-у-у, дорогая, я вижу, ты всё забыла. По перилам я ходил не тогда и совсем по другому поводу. Еще в нашей старой квартире, мы допоздна клеили обои, вспоминаешь? Потом решили проветриться. И поехали на реку. На набережной горели фонари, а на реке качались бакены.

– Ты мне хотел достать один, – прошептала Настя, в её глазах плясал огонь.

– Мы стояли прямо над фарватером, смотрели, как ходят катера. А потом вдруг запели, тихо в один голос: «... И в ладони ладонь мы замрем над волнами, и под мост наших рук будут плыть перед нами...»

– «Вновь часов и недель повторяется смена, – подхватила Настя, – не вернется любовь, лишь одно неизменно, под мостом Мирабо тихо катится Сена».

Пробили настенные часы, в дверь раздался стук.

– Благоволите! – возгласил муж и поднялся.

На пороге стояла Татьяна.

– Воркуете, голубки.

Через плечо Настя с улыбкой смотрела, как они чмокаются, делая друг другу щечки.

– Слава богу, есть о чём. В прошлом году с твоим Андреем Валентиновичем мы здесь так же сидели, вспоминали, – муж взял гостью под локоток. – Всем своим бывшим кости перемыли.

– Опять ты его по имени-отчеству называешь? – Татьяна отдернула руку.

– С глазу на глаз, хоть Андрюха, но за глаза только так. Мало ли кто услышит. И будет плохо, если узнают, что с главой холдинга можно так запросто, панибратски... Где он сейчас?

– В Норвегию улетел, – бегло бросила Татьяна. – Ты почему телефон отключила? Звоню звоню... – Это она уже Насте и снова ему. – На собрание директоров компаний.

Муж лишь пожал плечами. Татьяна не спешила снимать с себя куртку, хотя в помещении было натоплено, поэтому он с сожалением понял, никакой преферанс не состоится.

– Хотите посплетничать? – спросил, откладывая уже взятую для игры колоду карт. – Ладно, займусь бухгалтерией.

– Мы только на минуточку, – пообещала Татьяна.

– А вы знаете, самые лучшие подруги получаются именно из мужчин, – заметил он им вдогонку.

– В другой раз, сестренка.

Взявшись за руки, обе прошествовали в коридор.

В холле было уже шумно: резались в бильярд и нарды. Главной обсуждаемой темой являлось прибытие московской съемочной группы. Дескать, её появление наконец-то взбудоражит тутошнюю скукотищу. Интересно, если тутошнее времяпрепровождение – скукотища, то как же должно выглядеть увеселение? Разгулом, дебошем?

Поднялись к Татьянинному номеру. В «Салаире» она занимала 11-ый полулюкс, правда принимать джакузи ходила в отель по соседству.

У неё Настя, сев на диван, взяла в руки по глянцевому журналу и изображая ими порхание, пропела:

– Улетел, улетел мой благоверный, горюшко-то какое, кто же меня теперь обогреет?!

– Язвишь или радуешься, не пойму, – нехорошо как-то ответила Татьяна. Настроение её переменилось, она принялась ходить, подергивая губами.

– Зачем мне над тобой язвить? А пошутить сам бог велел. Видела бы ты себя со стороны: так и хотелось конфетку дать да по головке погладить.

– Слушай, у тебя выпить есть?

– В буфете не держим, но могу стащить в кабинете из бара.

– Ладно, обойдусь!

– Эх, мой бы ещё куда уехал, мы б тогда с тобой... – Настя сладостно зажмурилась.

– Адюльтер, что ли, хочешь закрутить?

– Если честно, иногда хочется, но это всегда подождет. Я о другом. Ты представь, что твой Андрей Валентинович сейчас здесь – отпустил бы он нас вдвоем на лыжах за Ямантау?

– Что за ерунда!

– Вот и мой бы не отпустил.

– А зачем нам на лыжах за Ямантау? – Татьяна осторожно присела рядом на диван.

– Знаю, не поверишь. Где-то недалеко отсюда нашли лесорубы заброшенный скит. Язычники там жили, ещё при царе. Жили-жили да и померли, наверное. Избы так и стоят в тайге

по сей день. А в одной никогда не жили, в ней ни печки, ни утвари нет. Обряды, говорят, в ней творили. Чучелка будто бы там соломенная лежит. Одна нога у неё человеческая, другая – звериная лапа...

Татьяна слушала, сглатывая горечь. Она поняла, для чего Настя это рассказывает: пришла подруга с каким-то несчастьем, по глазам видно, что с несчастьем, да таким... аж до горловины души поднявшимся. Вот и тараторит не пойми что, чтобы хоть немного осадить его, разбавить его крепость.

Татьяна легонько коснулась её руки.

– Давай потом об этом, а?

– Самое интересное, – отмахнулась Настя. – Оказалось, что в обрядовый дом кто-то приходит. Чучелку перетаскивает то в один угол, то в другой...

– Потом! – взмолилась Татьяна. Она прижимала к груди пластиковый конверт, который чуть не со слезами ей вручила. – Час назад получила по электронной почте.

– От кого?

– От человека своего. Есть у меня в администрации холдинга, прикормленный.

– Стукач?

– Осведомитель. Завела на всякий случай.

– Что это? – Настя читала вынутый из конверта бланк. – Гордок В. Б., Колыванов Г. Д...

– Список делегации, вылетевшей вчера в Норвегию. Заместитель, заведующий промышленностью, экономикой. Ну и прочая шушера: логистики, кадровики.

Настя покачала головой.

– Сроду бы о тебе такое не подумала. Нет, я бы точно так не смогла. Свой агент у неё в холдинге. Поди, за мужем следить? Как тебе в голову такое пришло?!

– Да, пришло! И хорошо, что пришло! Плохо, что поздно! Ты посмотри последнюю фамилию! Посмотри!

– Кайро И. Ю. какой-то...

Татьяна вытряхнула конверт, выбрала из листов один, до половины запечатанный.

– Кайро Ирина Юрьевна, 22 года. Секретарь-референт холдинга «Евраз». Официально в штате с февраля прошлого года. Вятский институт дополнительного образования. Боже мой! – Татьяна трагически заломила руки. – Вятский институт... нет, я с ума сойду... дополнительного образования! Далее: не замужем, кандидат в мастера спорта по синхронному плаванию. Увлечения: театр, структуральная лингвистика, активный участник программы «Greenpeace» по спасению китов.

– По спасению китов, – Настя молитвенно сложила ладони, – она святая!

– Опять язвись! Она одна в списке женщина, понимаешь?! – Татьяна поднялась и снова принялась ходить.

– Ну и что. Андрею твоему нужен там референт.

– Нужен, конечно, нужен. И теперь хорошо подумай: собрание директоров компаний – мероприятие серьезное, нешуточное – а он берет с собой референта совершенно без опыта работы. Неумеху, только-только из института, девчонку, годную разве что СМС-ки на телефоне набирать.

Настя нашла среди бумаг несколько фотографий, отобрала их и начала рассматривать.

– Это она?

– Она.

– Какой у тебя хороший осведомитель. Наверное, много ему платишь?

Снимки были сделаны, должно быть, с корпоративной вечеринки и показывали одну и ту же девушку. Очевидно, у деловых людей стало в моде держать секретарш не модельной, а исключительно спортивной внешности. Девушка не позировала, а была заснята в тонкостях своего естественного поведения. Вот она в тесном окружении мужчин, совершенно не прояв-

ляя к ним интереса, смотрит выше и левее камеры. Вот она с микрофоном кокетливо улыбается и показывает кому-то кончик язычка. Свободное платье на ней не оголяло местами, как это часто бывает, но явственно подразумевало под собой идеальную фигуру.

– Красотка, – призналась Настя.

– Скотина! – выдала Татьяна и вдруг тихо захныкала.

– Этого еще не хватало! А ну возьми себя в руки! Что здесь ненормального – брать с собой на собрания молодых сотрудниц?

– Давай-давай, успокаивай меня! Дура ты, вот кто! Он скотина, а ты дура! Куклу он себе взял поиграться, неужели не понятно! Думаешь, у него времени там на это не будет? Смотри, как хитро придумал: секретарь-референт и никто, даже родная супруга не заподозрит ничего такого.

– Накручиваешь ты на себя. Знаю я Андрея.

– Откуда, интересно? Сама, небось, к нему подкатывала?

Стало быть, она решила видеть ситуацию именно в таком свете. Значит, наизнанку вывернись, ничего уже теперь не поможет.

– Перестань, слышишь, – буркнула Настя, – развела плач.

– Почему? Ну, почему он не взял меня с собой! Если б хоть слово сказал заранее, шиш бы он без меня улетел. А то ведь позвонил из аэропорта и фьют. Что я, обузой бы ему там стала?

– Просто формат собрания у них такой. Есть формат «без галстуков», а у них «без жен», – попробовала сострить Настя, и тут же пожалела. Взрыв истерики буквально бросил её в объятия подруги.

– Настюха, простота ты наивная! – всхлипывая, причитала Татьяна. – Ничего мы с тобой не можем! Ты посмотри на неё! Какой мужик против такой устоит? А мужики, как козлы – куда повели, туда и пошел! Нечем нам с ними тягаться!

– Как это нечем! – чуть не крикнула ей в лицо Настя. – Как это нечем?! Тем, что мы – матери детей этих мужчин!

Татьяна отошла к зеркалу и спокойно ответила:

– Думаешь, хоть один это понимает? – она взяла с подзеркальной полки раскрытую книгу. – Тем более, когда высокое положение, когда семья за тридевять земель. Вот, послушай:

«... Она была ему никем – женщина, которая всегда проходит мимо. На улице и на лестничном пролете она пройдет мимо любого мужчины, может, обменяется с ним взглядом, только никогда не заговорит, не даст надежду и не попросит о помощи. Она есть и останется ничьей, потому что всегда проходит мимо, женщина-призрак, посланная в мир назло мужчинам, возмнившим, будто имеют над женщинами абсолютную власть, мужчинам, породившим оплошное мнение о женской слабости. Что же, вам и только вам она будет являться в уличной толпе, в трамвайном вагоне, или где угодно ещё. И вы узнаете, чего стоит ваша властность, как только посмотрите ей в глаза. Она никогда не станет вашей, к каким бы средствам ни прибегли. И тем тяжелее вам будет, когда посеянное ею томление в себе ощутите...»

Татьяна захлопнула обложку.

– Поняла, как с ними нужно? Уф, что-то я расклеилась. Ты, мать, про наш разговор никому ни гу-гу. Даже своему повелителю, – она достала из ридикюля пудреницу и принялась устранять красноту под глазами. —

Может, я действительно накручиваю. Посмотрим, как всё пойдет. Человечку своему я дам нужные инструкции. И если что не так, буду принимать меры.

– Если что? – Настя повернула её к себе – и это была уже совсем другая Татьяна, готовая обращать в пепел города.

– Если окажется, что эта соплячка сама метит на моё место. Возможно и такое. Будь спокойна, с такими людьми на брудершафт пила, в два счета пристроят куда надо. Она у меня до конца жизни только и будет спасать китов! Даже Андрей не узнает.

Настя одобритительно на неё посмотрела.

– Так то лучше. Ты успокоилась?

– Порядок. А теперь хочу в общество. Встряски хочу, чтобы мне вешали лапшу на уши про вечную любовь, чтобы из-за меня мордасились мужчины, хочу духовой оркестр из «Праги», помнишь саксофониста, как он чечетку бил.

Они покинули номер и шли коридором.

– Погоди, ты про какой-то скит говорила, – вспомнила Татьяна.

– Ну да, егеря рассказывали. На прошлой неделе заезжали покатать шары в боулинге.

– И что думаешь?

– Они мужики серьезные. Врать не станут.

Вышли в холл. Людей здесь заметно прибавилось. Четверо рублились в американский пул, прочие, разбившись на компании, вели междусобойчики. Играла музыка, поэтому разговаривали громко. Оживленности, кстати сказать, тоже прибавилось: столики были заставлены посудой с... ой, не соком, какой к черту сок, когда одна дамочка, с визгом, расталкивая четверых, порывалась с ногами залезть на бильярдный стол, а некто с фотоаппаратом уже приготовился её заснять.

Сколько надежд пропало на то, что в «Салаире» будет заведена салонная обстановка, что по вечерам будут петь туристские песни под гитару, вести культурные диспуты... очень нужно, кабак им подавай.

Двое у окна боролись на руках. Рядом расположилась «сладкая парочка», мачо с удовольствием смотрел на них, а усатый блондин в свою очередь горящими глазами пожирал его.

– Недурно, – Татьяна подмигнула обществу. – Мне сюда.

И тут, на беду, они оказались замечены. В углу поднялся бородастый детина, шкипер с рыболовецкого сейнера, раз в год приезжающий сюда и просаживающий несметные деньжищи. Поднялся и заревел:

– За нашу хозяйшку! Наддай, кто не слаб!!!

Слабаков не оказалось. Все проголосили «ура!». И наддали.

Настя изобразила нелепый книксен, пожелала доброго вечера и покинула этот вертеп.

Муж сидел перед раскрытым гроссбухом, что-то высчитывал на калькуляторе.

Она зашла сзади и из-за его плеча заглянула в цифры.

– Пыхтишь, кормилец?

– А ещё обувалец и одевалец, – прибавил он. – Что с Танюшкой? Сама не своя.

– Ничего, обычный бзик. Уже прошло. Кухню считаешь?

– И не по первому разу уже. Пропади пропадом, овощное ассорти в минус уходит!

Настя взяла карандаш и поставила в гроссбухе галочку.

– Вот где у тебя напутано, кормилец. Видишь, накладная не сходится с приходом.

Продолжая обход, она проверила туалетные кабинки, претензий к ним не было, разве что в одной уже заканчивался освежитель воздуха. Далее по плану инспекции заглянула к Михайловне. И пока та на утро разделявала куриные грудки, перемыла оставшуюся с ужина грязную посуду.

На очереди был спортивный инвентарь. Держа руки в карманах жакета, Настя семенила в подсобное помещение, когда на неё из левого крыла вывернул...

Она остановилась, внутри всё обмерло. Нет, не конь в пальто, человек, конечно, вывернул, но было невозможно представить, что существуют на свете такие. Бог знает, насколько простираясь вверх, он шел, и его чугунная поступь отдавалась в стенах. Колоссальная мышечная масса висела на крепких, как шпалы, широко расходящихся плечах.

Он приближался, и, чем ближе, тем явственнее чувствовала Настя, что сама она с каждым его шагом уменьшается. Сухое, отливающее бронзой тело потрясало анатомическими подробностями, которые, может, и не были столь заметны, оденься незнакомец как-то иначе. Но он предпочел форму баскетболиста, трусы и майку со свирепой бычьей мордой «Чикаго буллз».

Настя стала совсем крохотной, когда он прошел мимо. Прошел и вряд ли вообще её приметил. Она успела заглянуть ему в лицо и увидела сильно выпуклые надбровные дуги, переходящие в быстро убегающий назад лоб, глаза были где-то глубоко, поэтому непонятно какие.

Гигант прошествовал к девятому, отпер его ключом и, нагнув голову, скрылся внутри.

Вот оно что, значит это один из тех, заселившихся сегодня днем. Батюшки святы, ну и ну.

Переведя дух, Настя на цыпочках подкралась к двери, что была чуть приоткрыта, и воровато просунулась в номер.

Постоялец стоял к ней спиной, проверяя на свет, протирая очки. Затем надел их и сел к столу.

Горящими глазами она наблюдала, как он положил перед собой лист бумаги, взял ручку и принялся писать. Стол перед ним был завален книгами.

В эту минуту в холе что-то разбили и несколько голосов бессвязно запели «Самый лучший день».

* * * * *

Если человек не умеет что-то делать... ему остается только одно – учить этому других. Лучше всего наводить чистоту в помещении, как советует одна новейшая методика, загнать бардак из всех углов в одно укромное место и разом его там уничтожить или навсегда забыть.

По правилам «Салаира» 11.00 утра – время уборки номеров, и постояльцам на этот час полагалось их освобождать.

В синей мешковатой униформе с чужого плеча Настя таскала за собой ведро с водой, швабру, пылесос. Отдувалась и потела. Как вам нравится, за одну ночь из принцессы опуститься до Золушки, и ведь не пожалуешься – сама вызвалась.

Проникнув в пятый, она вскрикнула и чуть не выронила свой инвентарь: на одной из кроватей лежало и смотрело на неё волосатое существо.

Стало ясно, с появлением этой киношной троицы про душевный покой придется забыть, хотя умиротворением в отеле по большому счету никогда и не пахло. Что ты будешь делать: вчера их костолом чуть до обморока не довел – и сегодня не лучше.

Боязливо Настя взяла то, что лежало на кровати. Потянула на себя и бросила, почувствовав непосильную тяжесть. Шкуры, грубые шкуры, сшитые в какой-то комбинезон, на конце которого болталась пустая резиновая голова, косматая голова, с отвратительным обезьяньим лицом. На маскарадный костюм это больше всего походило.

Настя понюхала ладони и издала полуобморочный вопль – собачья шерсть, причем мокрая. Вытянув далеко вперед руки, она почти бежала к ближайшему источнику воды и к мылу-мылу, ванильному, лавандовому, персиковому. «А-а-а-а-а-а»!!!

Обратно вернулась с прихваченными по пути латексными перчатками. Включила пылесос и взялась за напольный ковер.

Закончив, открыла форточку – не хватало ещё псиной отель провонять, под конец пробежалась взглядом по углам: узлы, коробки, мешки, ощущение, будто заселился цыганский табор.

В коридоре она опустилась на корточки. Захотелось передышки, неодолимые привычки принцессы требовали утolenия милых сердцу слабостей. Взять и психануть чисто по-бабски – бросить всё... но нельзя, горничные ведь как-то выносят эту каторгу. Собравшись с силами, она вновь принялась за работу.

Мало-помалу, протирая плинтус, она постепенно приблизилась к одиннадцатому.

Внутри было тихо. Убедившись, что поблизости никого нет, Настя поддержала спадающие штаны и вошла.

Диван в гостиной так и остался неприбранным: журналы, бумаги, фотографии – всё так и лежит со вчерашнего вечера. Всюду горит свет, спальня распахнута настежь. И вдруг.

– Кто там? Кому, что надо?! – недовольно осведомились оттуда.

Ну а дальше всё произошло как-то по-водевильному.

– Ой! – Настя закрылась ладонью, и собралась уже выбежать из спальни, приметив за шкафом мужчину, который торопливо обертывал простыней свою наготу.

– Постой-ка, – остановила её Татьяна. – Ты как сюда попала? У нас что, дверь открыта?!

Она располагалась на разворошенной кровати в позе Венеры с зеркалом кисти Веласкеса.

– Действительно, вы бы хоть запирались, – Настя прятала глаза, узнав в прелюбодее того самого проповедника спортивного питания и биологически активных добавок. Кто бы мог подумать.

– Костик, растяпушка ты моя, слышишь, всю ночь дверь была нараспашку.

Мужчина что-то промычал.

– Ты можешь внятно говорить или нет?

Видимо, его это задело за живое. Он разразился длинным монологом. А, как оказалось, ораторствовать не жестикулируя он не умел, поэтому простыня постоянно спадала, оголяя его то там то сям. Он подтягивал её, закручивал на себе, но она всё равно спадала. Он был из тех людей, которым связи руки – и они не смогут произнести ни слова.

– Завелся, – Татьяна спустила ноги с кровати и начала одеваться. – Ступай лучше в душ. Нам поговорить надо.

– Как это понимать? – спросила Настя, когда они остались вдвоем.

– Как эксперимент. Испытала, легко ли чужого мужика затащить в постель. Оказалось проще некуда. Взяла да повела. Шел и терся об ножку, млея от удовольствия.

– Нет, ты точно ненормальная.

– Перестань! Я ведь не из похоти это сделала. У меня получилось, так неужели у двадцатидвухлетней девчонки не выйдет. Значит,огревается мой Андрей Валентинович сейчас со своей куклой. И поделом ему, коли скотина, то пусть с рогами и ходит, – Татьяна несколько раз раздраженно развязала и завязала пояс кимоно. – Видела бы ты вчера, как шкипер ко мне клеился, а я этого взяла: больно потешный. Кстати, как он у вас записался?

– Кто?

– Костик. Фамилия у него как?

– Откуда мне знать, муж оформляет постояльцев, у него и спроси.

– Только не вздумай меня отчитывать!

– И не собираюсь. Что сделано, то сделано. Теперь уже не исправишь, – Настя критически оглядела беспорядок. – Давай бери своего полюбовничка, и выкатывайтесь оба! Мне номер убирать нужно!

Татьяна замерла к ней спиной, потом медленно обернулась.

– А это как понимать? – спросила, казалось, только сейчас заметив на ней униформу техперсонала.

– Как кадровый кризис! На три дня, не больше!

Татьяна вышла в гостиную, взяла массажную щетку и занялась волосами.

– Ясно, значит, эти три дня можешь у меня не мести. Нечего тебе за мной прислужничать.

– Не получится. Есть правила отеля, и не клиентам их поправлять.

– Я – особый клиент. Мне можно.

Через какое-то время порозовевший и благоухающий, одетый в спортивное, появился Константин. С удовольствием устроился на диване.

– Как ни смотри на богатый класс свысока – а такой момент, как персональная душевая в номере, повергает тебя перед состоятельными людьми в прах. Ничего уж тут не поделаешь, – он прокашлялся в кулак и продолжил: – За свои годы я нищенствовал и бражничал. Поступал и учился в двух институтах – оба бросил. Пяти лучшим женщинам делал предложение – пять отказов. Ах, знали б вы, какие женщины мне отказывали, м-м-м... любой мужчина бы позавидовал. Затевал несколько коммерческих дел – прогорал. И был в должниках у бандитов.

Наводящая макияж Татьяна с улыбкой смотрело на него через зеркало.

– И это далеко не всё. Так в чем же секрет такого невезения? Спрашивал я себя. Ответ один – где-то на жизненном пути я свернул не туда. И теперь хожу глухими тропами...

Константин вдруг хлопнул себя по лбу.

– Анастасия Викторовна, вы сегодня ночью ничего не слышали? У нас под окнами?

Татьяна и Настя переглянулись.

– Кто-то бродил. Помню, посмотрел на часы, начало третьего было.

– Нет, – ответила Настя, – я уже точно спала.

– А я? – спросила Татьяна.

– И ты, голубушка, тоже. Выходит я один не спал. Лежал и думал. И тут слышу – хруст шагов с улицы. И что интересно... Такой глубокий, словно снег проминает кто-то тяжелый, большой.

Татьяна покатила губы одну об другую и, оценивая подводку, растянула пальцами веки.

– Действительно интересно. Большой и тяжелый. Надо же.

В широтах нетронутой природы человек мал, оттого-то и чувствует себя одиноким и может, даже чужим. Теснота, вызванная замкнутыми пространствами городов, наоборот сближает, делает людей едиными. Надо полагать, из этого исходила фантазия дизайнеров, сотворивших здесь, в горах, культурно-развлекательный комплекс с естественным для жителей мегаполисов эстетическим климатом, другими словами, с благоприятной для них средой обитания.

«Три апельсина» включает в себя несколько развлекательных зон. От парадного входа налево располагается кафе, обстановка которого передает быт старорусской деревни, где обслуживают официантки – наруганные некрасовские девушки в ярко красных сарафанах.

Дальше по лестнице вверх, через вертящиеся створки, попадаешь в бильярдную стилизованную под салун дикого запада, она так и называется «Вестерн»: на стенах бутафорские Смит-вессоны, лассо, значки шерифа и прочая атрибутика того времени. Музыка играет исключительно кантри.

Напротив бильярдной – суши-бар: узким изгибчивым проходом, освещенным неоновыми черепами, выходишь на палубу пиратского галеона. Декорация точно повторяет его оснастку: ванты, фордуны, бакштаги висят прямо над обеденными столиками. Здесь же находится штурвал, а чуть в стороне от него кабестан. Приятно обманывающая иллюзия дразнила фантазии подвыпивших посетителей видениями Антильских островов, попугаев и захороненных кладов. Это весьма улаждает, когда знаешь, что за стенами зима и стужа.

Ещё одна лестница, она ведет из суши-бара вниз, в фойе кинотеатра. Там на ваш вкус десяток механических гангстеров, кроме того детская стойка, где продают коктейли и мороженое.

И последнее, о чем нужно сказать – боулинг. К нему из фойе доставляет эскалатор. Центральное его место занимает бар, который делит боулинг на две половины. Справа от него игровые дорожки, слева небольшой концертный зал, как полагается, с эстрадой и местами для зрителей. Прошлой зимой сюда удалось заманить Стомадора – затухающую столичную рок-звезду. Неприятность с ним вышла: напился этот Стомадор и устроил драку в «Вестерне», так что путь ему сюда с той поры заказан.

Вечером этого же дня, измотанная как лошадь, в баре боулинга за бокалом красного вермута сидела Настя, пыталась сосредоточиться на последнем номере местной газеты. С грохотом разлетались кегли, мимо неё, словно стальные, катились шары.

Газета называлась «Инфо-курьер». Первая полоса рассказывала о сноубордисте из Кемерово, продемонстрировавшем на прошлой неделе лучшее носовое вращение сезона. Имелся его фотопортрет: улыбающийся, вознесший над головой свою доску, он стоял на фоне заснеженной горы. Что-то с фото было не так. Настя подняла газету на свет – и у сноубордиста проступила пёсья морда. Перелестнула на вторую... ах, вот оно что – аккурат под кемеровчаниным, точь-в-точь, но с обратной стороны был размещен снимок кобеля, тяпнувшего истопника здешней кочегарки. Вид у злоумышленника был виноватый. Впрочем, по словам автора статьи, в тот же день его отловили и отправили в собачий питомник. И поделом ему.

На той же второй полосе некий Лаврухин Ю. Д. рассказывал про свой отпуск, начатый в Юго-Восточной Азии, но впоследствии перенесенный сюда. Основания, по которым вояжер сменил пентхаус класса «Хилтон», на номер с видом на Ямантау, все как есть были списаны с местных рекламных проспектов.

Далее шла рубрика «потери-находки», извещавшая о найденной у Черного ручья меховой горжетке. Владелицу просят зайти на ресепшен отеля «Ланфиер» и забрать свою пропажу.

Следом информация культурно-развлекательного центра: анонс нового полнометражного фильма «Заповедник троллей» и короткая заметка о том, что рекорд боулинга – 16 страйков подряд, установленный месяц назад, пока никем не побит.

Настя отложила газету: над ней стоял приятный господин с темными и на удивление яркими глазами.

– Вы бы слышали, что про вас рассказывали, – завел он речь, – глушь, мол, непролазная, никакого спутникового телевидения, и медведи роются в мусорных баках – а оказалось... Вы позволите, если никого не ждете?

Он прижимал к груди ополовиненную бутылку виски и стакан.

– И что же оказалось? – Настя указала на свободный стул.

– Нет слов! Мне здесь нравится! И отель ваш хорошо устроен, – господин сел, далеко расставив руки. – Жаль, что мы здесь сугубо по делу. Но на будущий год обязательно сюда приеду отдохнуть.

– Не лучше, чем у других. Постойте, – Настя пристально на него посмотрела. – Всех наших, хотя бы в лицо, я знаю, а вас не помню. Значит вы из пятого.

– Воздвиженский Алексей Николаевич, – он плеснул себе в стакан. Они чокнулись и выпили.

– О чем будет ваш фильм? – с ходу спросила Настя.

– Я сам себе не могу ответить «о чем?», где уж постороннему человеку, – Воздвиженский понюхал фалангу указательного пальца. – Вот если бы вы спросили «зачем»? – другое дело. Но если по сути – это документально-игровой фильм. Бюджет не велик... оно и понятно, всего трое задействованы: режиссер – он перед вами, оператор... вон, извольте видеть, развлекается на бюджетные деньги, и, наконец, Савелий.

– О! это тот, огромный, – Настя заерзала на стуле. – У меня прямо поджилки затряслись. Расскажите лучше о нем.

Воздвиженский изобразил досаду.

– Всё-таки, нужно иметь исключительную внешность, чтобы хоть кто-то заинтересовался твоим внутренним миром. Мой, например, никого не привлекает, хоть и очень богат. Видите ли, коротко о нем не получится, Савелий рушит все стереотипы относительно узкого лба, бритой головы и тому подобное. Вам, правда, интересно?

– Да вы продолжайте. Продолжайте.

Режиссер плеснул себе следующую порцию и немного подумав, начал:

– Ломая грудью проблемы, он широко шагал по жизни, глядя поверх скучающего человечества...

...И оттого его свобода была гораздо шире иных людских свобод. То была свобода шириной в целого Бога. Он шагал, наполненный добротой и верой – как неожиданно заметил Ирину.

Встреча эта отозвалась живительной теплотой, что разлилась по венам и приятно защекотала в горле. Он застыл, казалось, над восхитительным цветком, тянущемуся из пожелтого ковыля к солнцу. Его обдало счастьем, и он долго не мог прийти в себя. Когда немного привык к ранее незнакомому чувству, стал бережно, по корешку, выкапывать растение – оно же упиралось, отбиваясь руками и ногами, однако быстро смирилось. Блаженный, словно спящее дитя, он прижал его к себе. Звали блаженного Савелий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.